

Къ исторіи типа „хвастливаго воина“.

Правъ былъ О. Риббекъ, когда въ своемъ изслѣдованіи исторіи этого типа античной комедіи особенно подчеркнулъ то разнообразіе, къ которому, видимо, стремились и котораго удачно достигали драматурги въ его разработкѣ (Alazon. Lpzg 1882, 36). И прежде всякій видѣлъ, какъ мало сходства хотя бы между Пиргоколиникомъ и Стратофаномъ, персонажами одного и того же Плавта.

Теперь, когда папирусы ознакомили насъ съ ранѣе плохо извѣстными комедіями Менандра, это разнообразіе бросается въ глаза еще больше. Не буду останавливаться на характеристикѣ Полемона изъ «Отрѣзанной косы» Менандра. Изслѣдователи посвятили уже ему достаточно вниманія: (см. Ph. Legrand. Daos. Lyon-Paris 1910, 229. Г. Ф. Церетели. Комедія Менандра «Отрѣзанная коса» Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 стр. 52 отд. оттиска). Но въ VII томѣ «Оксиринхскихъ папирусовъ» А. S. Hunt опубликовалъ нѣсколько отрывковъ изъ другой комедіи Менандра, гдѣ тоже выступалъ воинъ. Это — *Μισοβριμος* (№ 1013, стр. 103—110). И до того было извѣстно 13 отрывковъ этой пьесы (№№ 335—347 Кока). Пользуясь ими, Риббекъ пытался дать характеристику героя этой пьесы (стр. 36), исходя изъ предположенія, будто въ 13-мъ «діалогѣ гетеръ» Лукіанъ разработалъ мотивъ этой именно пьесы Менандра. Къ такому предположенію могло бы привести и слѣдующее замѣчаніе схолиаста, предпосланное имъ замѣткамъ къ отдѣльнымъ «Диалогамъ гетеръ»: «слѣдуетъ знать, что всѣ эти гетеры изображены въ комедіи всѣми ея поэтами, а преимущественно Менандромъ, которымъ доставленъ Лукіану весь этотъ матеріалъ». (Схолии къ Лукіану, изд. Г. Рабе, стр. 275). Это же подтвердило и предпринятое новѣйшимъ изслѣдователемъ сопоставленіе отдѣль-

ныхъ діалоговъ съ комедіей (*Ph. Legrand. Les «dialogues des courtisanes» comparés avec la comédie. Rev. des ét. gr. 1907, 176—231, 1908, 39—79*).

Начало 13 діалога Лукіана занято бесѣдой воина Леонтиха съ Хенидой. Первый широковъщательно повѣствуетъ о своихъ военныхъ доблестяхъ, проявленныхъ въ битвахъ съ Галатами и въ Пафлогоніи. Хенида во всемъ ему поддакиваетъ. И эта первая половина діалога и по составу дѣйствующихъ лицъ, и по содержанію ихъ бесѣды больше всего напоминаетъ 14-ю сцену *Miles Gloriosus* Плавта (9—78) между Пиргополиникомъ и Аротрогомъ. Сходство между первымъ и Леонтихомъ распространяется даже на мелочи: Пиргополиникъ кичливо величаетъ себя внукомъ Венеры (1265) и Хенида указываетъ, вѣроятно, по тѣмъ же побужденіямъ, что и голодный Аротрогъ (34, 49), на полное сходство своего собесѣдника съ Ахилломъ, сыномъ Пелея и Оетиды.

Эти рассказы Леонтиха возбуждаютъ отвращеніе въ гетерѣ Гимнидѣ и она собирается уйти. Тщетно молить ее Леонтихъ подарить ему свои ласки: даже за удвоенную плату она не согласна обнимать и цѣловать столь кровожаднаго героя. Пусть ищетъ онъ себѣ какихъ нибудь новыхъ Лемніадъ, либо Данаидъ, а она предпочитаетъ засвѣтло уйти отъ такого челоуѣкоубійцы къ своей матери. Ея уходъ повергаетъ Леонтиха въ глубокую скорбь. Теперь уже Хенида упрекаетъ его: нечего было такъ завираться и своими розсказнями наводить страхъ на слабую женщину. Леонтихъ на чистоту сознается, что вралъ ради того, чтобъ больше понравиться Гимнидѣ. Теперь ему остается одно изъ двухъ: сохранить репутацію героя, продолжая возбуждать отвращеніе въ Гимнидѣ, либо спастъ съ ней, сознавшись во лжи. Скрѣпя сердце, Леонтихъ выбираетъ послѣднее, и діалогъ кончается такими его словами: «иди, Хенида, къ Гимнидѣ и скажи ей, что я навралъ, но только не все».

Итакъ, этотъ діалогъ Лукіана въ итогъ приводитъ хвастуна къ полному посрамленію—самый обычный мотивъ комедіи (см. *мои Наблюденія надъ древне-римской комедіей. Казань 1905, 65*) и этимъ въ сущности исчерпывается все содержаніе забавной сценки Лукіана.

Изъ позднихъ писателей, пересказавшихъ содержаніе *Μισοβρογος* Менандра (ихъ свидѣтельства приведены у Кока III, 97—98), мы

знали, что герой этой пьесы—его звали Трасонидъ—отличался великимъ хвастовствомъ и что онъ возбуждалъ у своей возлюбленной отвращеніе и ненависть, по словамъ Либанія, изъ за — *στρατητικῇ ἀηδίᾳ*.

Теперь новые отрывки изъ Оксиринха прежде всего дали имя возлюбленной Трасонида: ее звали Кратея (3 verso, ст. 32). Упоминался въ пьесѣ и ея отецъ (ст. 40 того-же отрывка). Въ свою очередь это весьма рѣдкое женское имя даетъ право относить къ нашей пьесѣ отрывокъ, который Кокъ раньше относилъ къ остаткамъ «неизвѣстныхъ» комедій Менандра (№ 939). Упоминаемый въ этомъ же послѣднемъ отрывкѣ Демея встрѣчается и въ самомъ большомъ изъ вновь найденныхъ отрывковъ пьесы: fr. 1—3 recto. А. Hunt этого Демею считаетъ (р. 104) за отца Кратеи. По fr. 939 этотъ чужестранецъ приходилъ случайно и, добившись освобожденія на волю Кратеи, уходилъ. Въ новомъ отрывкѣ Демея ведетъ бесѣду съ Клиніей. Въ послѣднемъ англійскій издатель видитъ отца Трасонида (р. 105). Сохранилось теперь такое обращеніе Трасонида къ отцу: онъ проситъ у отца позволеніе жениться на Кратеѣ (ст. 34—35) и говоритъ:

40. νῦν ἢ μακάριον ἢ τρισάθλιον, πατέρ,
δείξεις με τῶν ζώντων ἀπάντων γενόμενον.
Εἰ μὴ γάρ οὗτος δοκιμάσει με κυρίως
δῶσει τε ταύτην, οὔχεται Θρασονίδης.

Слѣдующій стихъ:

Ὁ μὴ γένοιτ' ἀλλ' εἰσίσωμεν

я вложилъ бы въ уста отца Трасонида: онъ такъ испуганъ послѣднимъ заявленіемъ сына, что соглашается идти въ домъ, гдѣ можно устроить его судьбу.

И раньше мы знали, что Трасонидъ страдалъ сильно. По свидѣтельству Арріана, онъ посылалъ возлюбленной подарки, умолялъ ее и плакалъ. Теперь это подтверждаетъ ст. 18. И раньше слова Діогена, будто Трасонидъ *καίπερ ἐν ἐξουσίᾳ ἔχοντα τὴν ἐρωμένην διὰ τὸ πιστεῖσθαι ἀπέχεσθαι αὐτῆς*, съ чѣмъ Кокъ удачно сопоставлялъ fr. 336, придавали нравственному облику Трасонида тонкость чувствъ, совершенно чуждыхъ зауряднымъ представителямъ этого типа. Онъ стремится не къ грубому обладанію плѣнившей его женщиной, а къ тому, чтобы она раздѣляла и его чувства. Теперь выписанныя выше его

слова къ отцу еще выше поднимають Трасонида надъ общимъ уровнемъ разныхъ Пиргополиниковъ и Орасоновъ, приближая его вмѣстѣ съ тѣмъ къ числу наиболѣе тонко чувствующихъ влюбленныхъ, выведенныхъ «новой» комедіей. См. *R. Hirzel. Der Selbstmord. Arch. f. Religionsw.* XI, 1908, 78—79, и *passim* — мою статью: Роль *adulescens* въ древнеримской комедіи *Ж. М. Нр. Пр.* 1908 № 8, 13—14 отд. отт. Поэтому новые отрывки этой пьесы еще болѣе доказываютъ умѣнье Менандра вносить рѣдкое разнообразіе въ обрисовку даже наиболѣе шаблонныхъ персонажей. Отмѣтить надо, что до сихъ поръ ни въ одной пьесѣ у «хвастливаго воина» мы не встрѣчали отца. Эту мелкую, но всетаки новую черту мы узнали тоже изъ папирусовъ впервые. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти папирусы совершенно опровергли предположеніе Риббека на счетъ связи этой пьесы Менандра съ 13 діалогомъ Лукіана. Отношенія Трасонида къ Кратеѣ гораздо глубже отношеній Леонтиха къ Гимнидѣ. Повидимому, здѣсь Менандръ обрисовалъ Трасонида чертами, сближающими его съ героями «слезной» комедіи (я позволяю себѣ считать этотъ терминъ вполне примѣнимымъ къ цѣлому ряду пьесъ Менандра и Теренція, несмотря на возраженія *H. von Arnim Kunst und Weisheit in den Komödien des Menanders (Ilbergs Jahrbücher* 1910, № 4, 250). У Лукіана нѣтъ ничего подобнаго. Его Леонтихъ простой хвастунъ, жестоко за это наказанный, и его діалогъ стоитъ на одинаковомъ разстояніи какъ отъ пьесы Менандра, такъ и отъ письма Алкифрона (III, 36), которое Кокъ уже совѣмъ напрасно сопоставляетъ съ пьесой Менандра: про любовь, составляющую, какъ всегда, центръ пьесы Менандра (*Ovid. Trist. II 369: fabula iucundi nulla est sine amore Menandri*) въ письмѣ Алкифрона нѣтъ не слова.

Этотъ типъ римской комедіи особенно пришелся по душѣ ея позднѣйшимъ подражателямъ. О многочисленныхъ обработкахъ его въ новѣйшей драмѣ см. *C. V. Reinhardtstoettner. Plautus. Spätere Bearbeitungen Plautinischer Lustspiele.* Leip. 1886, 605—680, а также въ отдѣлахъ, посвященныхъ другимъ пьесамъ Плавта, гдѣ также выступаетъ «хвастливый воинъ», *Truculentus* и т. п. Его изложеніе о Ленцѣ дополнилъ теперь *М. Н. Розановъ*. Поэтъ періода бурныхъ стремленій Якобъ Ленцъ. М. 1901, 205—218. *O. Fest. Der Miles Gloriosus im Drama des klassischen Altertums und des*

französischen Mittelalters. Naumburg 1897. *W. Creizenach*. Geschichte des neueren Dramas. Halle 1911, I², 568. Въ этихъ трудахъ достаточно выяснено широкое распространеніе этого типа въ произведеніяхъ драматурговъ новѣйшей Европы. Но отсутствіе этого типа у Лопе отмѣчаетъ *Д. К. Петровъ*. Замѣтки по исторіи староиспанской комедіи. Спб. 1907, I, 441. Въ статьѣ: «Испанскіе авантюристы XVI—XVII столѣтій» (*Сборникъ статей, посвященныхъ почитателями В. И. Ламанскому* Спб. 1907, I, 164) тотъ же изслѣдователь указываетъ на комедію Лопе *El galan Castrucho* и полагаетъ, «что въ лицѣ Каstrуго много чертъ столь излюбленнаго эпохой Возрожденія хвастливаго воина, Каstrуго—прямой потомокъ Пиргополиника». Немногимъ дальше *Д. К. Петровъ* пишетъ однако: «мы не ошибемся, если признаемъ въ Каstrуго человека, когда-то порядочнаго, затѣмъ павшаго, но, можетъ быть, еще способнаго къ исправленію, если возбудить въ немъ какую-нибудь болѣе высокую страсть, напр. честолюбіе, оказавъ ему довѣріе. Нѣтъ сомнѣнія, что Каstrуго обладаетъ значительными умственными дарованіями» (стр. 165). Ни про самого Пиргополиника, ни про многихъ его потомковъ этого не скажешь.

Между прочимъ давно уже высказано предположеніе, что «хвастливый воинъ» римской комедіи послужилъ образцомъ Шекспиру для созданія его Фольстафа (*Н. И. Стороженко* Прототипы Фольстафа. *Артистъ* 1891 № 15, 1—11. Опыты изученія Шекспира. Москва 1902, 193—221). Георгъ Брандесъ замѣтилъ по поводу Фольстафа, что «въ его существѣ есть нѣчто, напоминающее Силена древней Греціи съ его безконечно добродушною веселостью» (*Г. Брандесъ*, Собраніе сочиненій пер., М. В. Лучицкой Спб. 1909. XVI, 317 и 325). Это безусловно удачное сближеніе съ Силеномъ, какъ кажется однако, теперь можно распространять не на одного только Фольстафа, но и на его прототипъ—«хвастливаго воина» древней комедіи.

Теперь среди папирусовъ Оксиринха найдены хоть и незначительные по объему, но зато очень цѣнные по содержанію обрывки неизвѣстной дотолѣ «драмы сатировъ» (*A. S. Hunt*. The Oxyrhynchus papyri. VIII. London 1911, 60—71). На счетъ имени автора и названія пьесы еще спорять (см. *A. Koerte* въ Arch. f. Pa-

purf. V, 1913, 571), но чѣмъ бы этотъ споръ ни кончился, останется несомнѣннымъ, что въ 1-мъ фрагментѣ мы имѣемъ дѣло съ хоромъ сатировъ (о ихъ взаимоотношеніи съ Силенами см. *A. Furtwängler. Kleine Schriften. München, 1912, I 167—176, 183, 207*). На наше счастье, этотъ отрывокъ сохранился какъ разъ лучше всего (онъ воспроизведенъ на табл. III у Hunt'a). Ихъ пѣснь звучала такъ:

6. Ἀπαντα πεύσθη. νομφίοι μὲν ἤχομεν,
παῖδες δὲ νομφῶν Βακχίου δ' ὑπηρετάι,
θεῶν δ' ὀμαυλοὶ. πᾶσα δ' ἡρμოსται τέχνη
πρέπουσ' ἐν ἡμῖν. ἔστι μὲν τὰ πρὸς μάχην
10. δόρυ, πάλη, ἀγῶνες, ἱππικῆς, ὄρουμοι,
πυγμῆς, ὀδόντων, ὄρχεων ἀποστροφαί,
ἐνείσι δ' ὠιδαὶ μουσικῆς, ἔνεστι δὲ
μυνητεῖα πάντα γνωτὰ κοῦκ ἐφευσιμένα
ἱμαίων τ' ἐλεγχος, ἔστιν οὐρανοῦ
15. μέτρησις, ἔστ' ὄρχησις, ἔστι τῶν κάτω
λάλησις ἄρ' ἄκαρπος ἢ θεωρία;
ὦν σοι λαβεῖν ἔξεστι τοῦθ' ὅποιον ἄν
χρήσῃς, ἔάν τήν παιδα προστίθῃς ἐμοί.

Стало быть, въ этой пѣснѣ сатиры появлялись, имѣя воинственный обликъ (ст. 9—11), а слыша ихъ широковъщательныя увѣренія на счетъ обширности ихъ познаній, распространяющихся даже на подземное царство (ст. 15), невольно начинаешь думать, что и имъ не было чуждо хвастовство: безъ нужды, вѣдь, не стали бы они увѣрять, что ихъ познанія οὐκ ἐφευσιμένα—qui s'excuse...

Въ «Слѣдопытахъ» Софокла Силень говорить хору сатировъ между прочимъ:

- Κάκιστα θηρῶν ὄντες ἐν πάσῃ σκιάϊ
10. φόβον βλέποντες, πάντα δαιματούμενοι,
ἄνευρα κἀκόμιστα κἀνελεύθερα,
διακονοῦντες, σώματ' εἰσιδεῖν μόνον
καὶ γλῶσσα καὶ φαλῆτες; εἰ δέ που δέη,
πιστοὶ λογοῖσιν ὄντες ἔργα φεύγετε.

(*A. S. Hunt. The Oxyrhynchus papyri, IX, 1912, № 1174 VI p. 45*). Развѣ указанные здѣсь черты не подходят цѣликомъ къ характеру любого «хвастливаго воина»?

Давно извѣстно, что сами боги изображались порой чертами, свойственными завязтому ἀλαζών (Аристофанъ *Лягушки* 280. О. Риббекъ

стр. 27—28). Теперь мы видимъ, что и въ «драмѣ сатировъ» пятого вѣка (*Hunt* 61) наиболѣе характерные ея персонажи имѣли обликъ, позволяющій сближать ихъ съ Пиргополиниками и имъ подобными образами позднѣйшей комедіи. Что, если она придала имъ черты, которыми нѣкогда отличались сами сатиры? Съ постепеннымъ вымираніемъ «драмы сатировъ» едва ли безъ слѣда исчезали созданные ею образы. Правдоподобнѣе, что они подчиняясь процессу, для комедіи обратному тому, который Аристотель въ примѣненіи къ трагедіи такъ удачно опредѣлилъ словомъ ἀπεσφαιρόννη (*Poet.* V 1449a): спустились до уровня простыхъ смертныхъ, и черты характера стараго сатира—достались по наслѣдству сперва Пиргополинику, а въ концѣ концовъ и къ Фольстафу. Тогда родословное древо «жирнаго Джона» придется продолжить въ сторону еще болѣе сѣдой старины.

Б. Варнеке.
